

A detailed oil painting of a young man with curly brown hair and round black-rimmed glasses. He is wearing a dark grey jacket with a brown fur collar over a teal t-shirt. The background is a hazy, foggy city street with buildings and falling leaves. The overall style is painterly and atmospheric.

Роман Клещёв

В туман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Клещёв

В туман

<https://litres.ru/74398889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лучшие планы – отсутствие планов – думал наш герой, молодой корреспондент региональной газеты, до того момента как начали планировать за него. Рутинная осталась в прошлом, взгляды на жизнь болезненно менялись вместе с местом жительства и работы. Эта история во многом метафорична, о том, когда несмотря ни на что продолжаешь поиски себя, и если нужно примешь предложенное судьбой...

Роман Клещёв

В туман

- В туман –

-Полеводский Меморандум-

В общем скромничать не буду, считался я умным. Не знаю, как так вышло. От природы. Мешало мне это или нет? Когда как. В начале лета всё было иначе. Приобрёл я новые брюки, ремень и кое-что из носков, чтобы выглядеть бравым. Я двигался быстро, с удовольствием, было тепло, живо, что ни вечер – пребывал в предвкушении. Приятных часов было достаточно: сидели в саду на даче приятеля Коли, бродили по речному песку вдоль нагретых женских тел. Безо всякой пошлости, конечно. Счастливые дни отпуска, однако, летели как стрелы. В конце концов время вытряхнуло на помойку все несбывшиеся планы. Впрочем, какие там планы...

Развиваться, развиваться. Нельзя же оправдываться бесконечно? Всё очевидно. Не сделал – отвечай. У меня по крайней мере так. Принцип. Как у других? Не знаю. Наверное, по-разному. От обстоятельств.

Прогуливаюсь я вечером с бутылкой газировки и чувствую, что-то овладевает мной. И борьба эта во мне, ощущаю, разгорается ежечасно. Разрушение во имя появления

нового – научно обоснованный феномен, рассеивание иллюзий случается неминуемо. И правда, думаю - взрослою. Так всё в природе, и в мире. Во вселенной. Мы становимся совершенней. Должны. Думаю, иду. Ведь для этого всё? Рассуждаю...

Надо прийти в себя, и желательно до выхода на работу. Кто-то или что-то из меня ушло навсегда, оставив необжитое внутри пустое место. Свободу. Неиспользованную, новую. Ладно, думаю, будь что будет. Переживать всё равно без толку...

Николай позвонил вечером, позвал на завтра в баню. Хорошо - я подумал. Схожу, помоюсь перед понедельником... Приехал. А они в огороде. Ну, думаю, опять случайность. Пришлось Николаю и его жене помочь с картошкой... После уборки урожая, в туалете записал в своём дневнике: «...огород представлял собой поле битвы: воронки и прильнувшая к земле ботва, ломаная вперемешку с комьями...».

Естественно, устал смертельно, и думаю: ну и как бы они без меня справились?

Из бани вышел. Отдохнувший. Посмотрел на закат и снова достал из висящих брюк дневник, ручку, начал писать размашисто: «...сентябрьское солнце покатилося в холодную лузу куда-то за синеющий горизонт. Это случалось всё стремительней. Лето оставалась в прошлом. Который раз. А грустно... Наступала новая осень, и погружала она в свою орбиту жадно, рывками. Ржавые её шестерни сухо враща-

лись в обратную сторону, рваными тросами приближая, казалось, что-то неизведанное...».

Зато я не пил. До случившегося, конечно. Почти. Или точнее пил, но редко, или по чуть-чуть. Выпью бывало лишнего – и пучит меня изнутри как резиновый мяч. То рвёт. В общем. Будто пробка внутри во мне пыжится. А потом будто пробку эту снесло, перешибло. И пошло дело. Будто второе дыхание включилось. Чую. Пошло. Не то что раньше...

В понедельник утром иду на работу, пешком, выбритый, наодеколоненный. Уверенно держусь в прошлогодних туфлях, считай почти новых, без царапин и суперклея. Рубашка на мне по погоде – синяя, летняя, почти свежая. Ну и брюки с ремнём.

Улица омыта ночным дождём. До сих пор высились пивные шатры, завлекая в хмельные недра. Но сейчас утро. И я спешу. Отпуск – всё. Тротуар подо мной сыреет – лило как из ведра, автобус скрипя, высадил нескольких коллег, хрустнув скоростью, отправился дальше. Я – к перекрёстку, с одним поздоровался, с другими нет, и на зелёный – тоже побежал в редакцию.

Пыльные бумаги встретили ворохом на столе. «Спасибо» коллегам. Кондиционера у нас не водится. А потому чтобы летом дышать, приходилось со скрежетом отпирать деревянную раму, и слушать всё, что происходит внизу на улице Козлова.

Теперь в неудобном рабочем пространстве стало комфорт-

ней. Нас в кабинете шестеро. Уживаемся. Пьём кофе молча. Окно по летней привычке вскрыли, но прохладно. А запереть лень, не кому. Надо вставать. Потянуло сквозняком и внизу кто-то снова заорал:

- Аня! Шестой этаж! Шестой этаж! Аняаа! Шестой этаж! Да! Шестой! Аняаа!...

Уже хотелось спуститься и выяснить подробности...

Евгения Фёдоровна, не выдержав, повернулась ко мне, и сказала табачным духом:

- Заприте Вы его, прошу, Вадим Алексеевич...

Хотя я сидел дальше всех от окна, но, проявив галантность конечно встал и просьбу выполнил...

Вернулся, сел, включил компьютер. Он сперва тархтел как станок, потом стих и выросла заставка на экране в виде летящего над вулканом птеродактиля. И сразу в дверь просунулась костлявая рука и просочилось худое лицо Дмитрия Евгеньича, нашего водителя. Он неуклюже поздоровался и такой мне:

- Вадим Алексеевич, шеф зовёт ...

Шеф – это наш главный редактор. Я опять встаю в новых штанах. А те пятеро так и сидят, кофе не спеша пьют. Я поправляю ремень, новый. Кофе скорей допиваю, обжёг нёбо, и поспешил...

- Лукьянов ты вроде у нас не коренной горожанин, а? – спрашивает Шрейнер.

- Не коренной.

- Вот и хорошо. Отправим тебя в район.

Я обалдел. Вспотело всё. Спрашиваю:

- Зачем?

- Поработаешь в районной газетке. Опыта наберёшься...

- Как это?

- А так... Вообще-то они - наш филиал. Цени. Для тебя стараюсь. Короче. У них корреспондент, Ушаков, бедолага сломал обе ноги, на выходных, хряпнулся с парашютом. Как ты понимаешь это надолго. Нужна срочная замена этого летуна так как выпали сразу две рубрики – преступность и наδοи. Основа сельской жизни как известно.

- Ага. Но... Почему именно я? Пусть Быковский едет, он у нас по аграриям...

- Ты погоди. Напомни-ка мне. Сколько ты здесь работаешь?

- Три года... Почти.

- Почти три года... На одном месте. Лукьянов... Говорю же, что стараюсь я для тебя. Не понятливый ты такой. Ты молодой, вдумчивый, хоть и глуповатый, но расти тебе определённо надо...

Тут у меня совсем выступила испарина внутри рубахи и немного брюк. Вот, думал же накануне, как чувствовал, грядут перемены... Ну и интуиция у меня, - размышляю.

- Время знаешь, как летит? Очень быстро... Бац и не заметишь, как состаришься... Короче, Лукьянов. У них старуха-главред через полгода свинтит... На пенсию. Проявишь

себя и занимай сей священный пост. Я помогу. Порешаю здесь на своем уровне. Усёк?

- Усёк.

- Вот и гуд. Мне на местах свои люди нужны... Ты вроде нормальный... В целом. Так что передавай дела Черновой. И... Или хочешь дальше сидеть на своём ЖКХ? Если конечно имеешь другие планы...? Смотри, решай...

Опустошил я за день холодильник, всё из него, что было, съел, и потом отключил. Сумку набил туго, сунул в новые штаны паспорт, запер дверь на все замки. Комнату сдал хозяйке. И вперёд - на вокзал...

Город Полеводск утопал в лесах и немного болотах. Ехать двести километров. Дали мне на вокзале билет. И трясусь я в полупустой маршрутке. Пыльные сиденья, сквозняк. Шоссе по традиции в ямах, но водитель спешит под всякого рода грохотание и скрежет. Трепещут голубые шторы, давно не стиранные...

По приезду у небольшого старинного вокзала пришлось отмахиваться от назойливого таксиста и двигаться пешком сперва по улице Новогодней, потом, подустав, тащился с сумкой по улице Ленина. Погода была великолепная, воздух тёплый и приятный, думалось почему-то о любви. Городок ритмично шелестел желтеющими кронами, кукарекал петухами и встречал бродячими собаками. Адрес я то и дело забывал и поглядывал на бумажку, где наш водитель Дмитрий Евгеньич начертил мне что-то вроде карты.

Притащил сумку к зданию с табличкой «Чайковского, 28». Потный весь. Стою, чихаю, вытираюсь платочком, осматриваюсь. Редакция одноэтажная и облезлая. Дореволюционной красоты. Высокая крапива под окнами в палисаднике. Я – в ворота. Там пёс большой и гавкает на меня с цепи. Пахнет во дворе его экскрементами. Неожиданно для редакции, - думаю.

Мимо собаки проскользнул и поднялся на дощатое крыльцо, а дальше - не то сени, не то веранда. Ветхостью тянет. На полу ведро с чем-то сыпучим, похожим на пепел. Может ритуалы какие проделывают? - думаю.

В тёмном коридорчике чисто и тихо. По стенам – репродукции. На потолке – лепнина. Уютно для темноты. Прохладою пахнет, по-старинному. Будто, - думаю, - На машине времени я путешествую.

- Здравствуйте, - говорю первой высунувшейся голове в очках.

- Здравствуйте, а Вы у нас...?

- Лукьянов из области, - опустил сумку на пол. И выдохнул, и вроде улыбнулся голове.

- Вы к главному?

- Должно быть...

Палас какой-то у них чёрный шерстяной в красную полоску. Слева - жестяная округлость печи холодит. Я обескуражен. Иду за человеком по паласу. Светится окно впереди.

- Меня, - говорит, - Юрий зовут, - на ходу мне руку красную подаёт, засопел досадливо.

- Вадим, - отвечаю, и руку ему крепко пожал. Ему не понравилось вроде, что я её так пожал.

Надо было послабже, - думаю, - Жать. Не успел зайти, сразу себе врагов наживаю...

Главред и вправду оказалась пожилая и с виду недовольная. Кабинет у неё светлый, обычный, скучный. Прибранный, и в горшках с ухоженными растениями. Пропылесосенный ковер пестрит на солнце. Блестят рамочки почётных грамот, на полке - кубки и медали, добытые в номинациях по печатному ремеслу. Снаружи за стёклами грохочут грузовики.

- Сумку оставьте у входа и садитесь, - говорит. Очки стянула с носа, сидя за столом, согнувшись, глядит на меня чёрными глазёнками внимательно. Морщинистое лицо очень начитанное и решительное. Седина стало быть вся закрашена чем-то бурым. Бодрая, бледнокожая. Некрасивая. Я прямо сию и расстроился. Тишина наконец хрустнула:

- Портфолио у Вас заурядное... Она снова надела очки и, гляжу, документы мои листает из личного дела, в копиях...

Хорошо начала, - думаю. И промолчал. А она:

- Я сразу скажу, это было не моё решение, - и ручкой быстро так постучала по столу. То ли с нервами у неё чего, - подумал я. Сiju.

- Я знаю, - отвечаю.

- Не перебивайте...

Хотя я не перебивал.

- Прошу извинить, - говорю. Странная, - думаю.
- Вы, кстати, должны были снять жильё.
- Не успел, к сожалению. Начальство торопило...

Она бумаги отодвинула:

- Не обольщайтесь. Радости по отношению к Вам я честно говоря не испытываю. У меня люди есть. Женечка - талантище. Бывшая учительница, а какие стихи пишет... Вы читали?

- Ещё нет.
- Вы вообще наш «Меморандум» держали в руках?
- Держал, - соврал я.

Чувствую не нравлюсь ей больше и больше. Ну, - думаю, - Только Женечкиных стихов мне не хватало...

- Женечка справилась бы и с сельским хозяйством и буднями нашего бестолкового РОВД.

Я думаю, - что ж ей ответить то, чтобы не обидеть:

- Не сомневаюсь, - говорю.

Она не оценила. Зевнула. Поглядела на мою сумку и опечаленную сделала гримасу. Мне её чуток жалко стало. Чего ж я, - думаю, - Не почитал стихов Женечкиных. Перед приездом.

- С Вами... Я надеюсь сработаемся. Вот Женечке и передам вас на поруки... У нас в коллективе в основном женщины... Из мужчин только фотограф-водитель, сторож-кочегар, и ещё два корреспондента. Кхм. Кхм...

- А женщин у вас сколько?

- Четверо.

Ясно, - думаю.

- Как у Вас с этим делом кстати?

- С каким?

- С горячительным... Часто употребляете? – и глядит.

- Никак... Вообще не увлекаюсь.

- Да? Многие не увлекались пока не оказались в нашем районе... В общем сфера Ваша как уже догадываетесь - это право и всякого рода происшествия. Состояние преступности в районе. И да, сельское хозяйство, разумеется. Поздравляю.

- Спасибо.

- Направление для Вас, знаю, незнакомое. Григорий Арнольдович меня подробно проинформировал. Как справиться то думаете, Вадим Алексеич?

- Буду обучаться новому. Стараться...

- Хм. Некогда мне Вас учить. Ладно. Идёмте знакомиться с коллективом, только быстро, мне ещё в администрацию ехать, - она на удивление энергично оббежала стол, глянув на старинные часы и стуча ботинками, согнувшись помчалась, старухой Шапокляк, увлекая меня за собой.

- Странно, что у вас собака, - говорю ей на ходу.

- Что?

- Собака, во дворе... Непривычно.

- Это щенка нам подарили. Он взял и вымахал...

Зашли сперва к Женечке. Её кабинет рядом с главредов-

ским.

- Вот. Знакомьтесь. Дегунина Евгения Андреевна – журналист нашей районки, призёр конкурса «Машинописная муза 2006» в Ставрополе... И много чего ещё... Что тебе подарили там Женечка? Напомни...

- Путёвку на Байкал... Здравствуйте, - девушка протянула мне хрупкую кисть.

- Вот! Вадим Алексеевич. Какие у нас сотрудники! Талант! – воскликнула радостно главред.

- Очень приятно, - поздоровался, пальцы у неё были холодные, - И как там на Байкале? - спрашиваю.

Она улыбнулась, и:

- Я не поехала.

- Почему?

- Денег не было, - скулы и ушки у неё порозовели.

Я ещё хотел спросить, что-нибудь, мол как, почему, но остановился...

У Нелли Флёровны в руке запиликала «Мотороллка» и она со словами:

- Клара это я тебе звонила... Да... Я по поводу свадьбы Серёжиной... - вышагнула в коридор.

Евгения Андреевна стоит передо мной за стареньким столом, стройная, молоденькая, большеглазая, оглядывает меня потного, но подсохшего. И говорит:

- Вам ведь жить негде...

То ли вопрос, то ли констатация, я не понял.

- Да. Вот только приехал... Устраиваюсь, - отвечаю. Мне неловко почему-то стало.

А она мне и шепчет большим ртом:

- Главред может Вас в типографии на время поселить, по соседству, там есть сторожка. Бывшая. Только Вы ей пожалуйтесь, она любит, когда жалуются, просят... Сторожа уволили, они на охрану перешли...

- А на что мне пожаловаться? – шепчу ей тоже.

- Скажите, что в затруднительном финансовом положении находитесь... Не знаете, как до зарплаты дотянуть...

Опять она по поводу денег, - думаю.

- Ладно, - говорю, - Скажу... Спасибо!

Она, подмигнув, сделала пальцами жест, что-то вроде «ок». Я точно не запомнил. Слышу возвращается старушка, насторожился.

- Ну что? Женечка сообщила Вам девиз нашего «Меморандума»? – Нелли Флёровна, входя, глядела, не отрываясь в экранчик сотового.

Я замешкался. Женечка кивнула на стену, я поглядел туда. На полке стояла картонка с лозунгом: «Мир вокруг нас – зависит от нас!».

Ну, - думаю, - лучше не скажешь.

- Актуально, - говорю.

- Это азбука... - главред, тыча кнопки, пыталась закрыть меню, параллельно о чём-то размышляя вслух - Стало быть... Познакомитесь с руководством города, учреждений

и так далее... - оторвалась наконец от мобильного, ухмыльнулась Женечке.

- Чайник включить Нелли Флёровна? – словила «сигнал» помощница.

- Давай позже... Сперва познакомлю новенького с нашей бандой...

Вышли. Главред дыхнула на меня невкусно, и такая:

- Вы женаты? – и глядит.

- Нет, - головой помотал я.

- Я так и думала. Кстати, Женечка тоже не замужем...

Идёмте к Стручковой.

Вошли в кабинет напротив Дегуниной. В синих тонах помещение. У окна - сочная женщина за компьютером. Позади неё громоздится гараж, обитый рубероидом. Женщина - в очках. Подобралась, как только меня увидела. Каштановая, большегрудая. Мышкой стала вертеть по коврику, пытаюсь что-то закрыть.

- Вот мой замглавреда Стручкова Надежда Петровна. Отвечает за вёрстку, рекламу, и многое чего ещё... Да, Надя?

- Да...

- Здравствуйте, - я ей.

- Здравствуйте, – голос у неё высокий, - А Вы что заканчивали? – вдруг спросила.

- Институт.

Подумал и добавил:

- Журналистики.

- Омский?

- Нет. В Казахстане.

- И что? Языком владеете?

И глядит так на меня так, загадочно.

- В смысле? – спрашиваю, - Каким? А-а! Почти нет.

Она смутилась, порозовела:

- Жаль... - у неё, казалось, испарина выступила.

У Нелли Флёровны снова вовсю пиликала трубка и она по-строевому вышагнула в коридор, слышалось только:

- ...Серёжа мне ничего не рассказывал... Вы от меня что-то скрываете...

- Как Вам наш городок? – спросила Стручкова, мигнув голубоватыми плёнками очков.

- Шикарный, - я ей говорю.

- Вы присаживайтесь на стул.

- Спасибо, - и присел тут же. Ноги устали. Гляжу на туфли свои, а они в песке. Художественно так выглядят.

- У родственников остановились?

- Нет...

- У знакомых?

- Я, знаете ли Надежда Петровна, ещё не решил, где остановился, - усмехнулся я.

Она взяла сотовый, пикнула им зачем-то.

- Так Вас не устроили? Знакомая песня...

- Всё же надеюсь снять какой-то угол.

- Не надейтесь. Нет у нас углов... А если и бывают, то ред-

ко.

- А гостиница?
- И гостиниц нет, с советских времён...
- Прискорбно, - я пробежался глазами по потолку.
- Но Вы не отчаивайтесь. Она Вас в типографии поселит,

в дворницкой. Я уверена. Только Вы должны об этом попросить... Сторожа давно уволили. Комната пустует, пользуйтесь... Условия сносные на первое время. Чего хватать не будет – поможем...

- Как же я попрошу? Нетактично как-то.

- Скажите ей, что хорошо бы где-то поселиться пока бесплатно... И будет Вам угол. У нас там Сечко жил два месяца... Простите пьянствовал. Когда перебрался из Краснодара.

Надо же, - думаю, - Откуда едут к ним...

- ... Ну что, стритрейсеры... Поболтали...? Идёмте, Лукьянов... Дальше познавать людей...

Мельком я переглянулся с замглавреда, та на пару миллиметров приподняла крашеную бровь. Я предположил, что старушка, не до конца понимая значения молодёжного сленга, пыталась при этом быть с нами, условно молодыми на одной волне. Впрочем, ничего страшного, если в разумных пределах...

- А хотя, знаете, что? Чего по кабинетам шлаться...? Надежда Петровна... Собогаволите собрать всех, органолептику у меня проведём, минут через десять... - она хлопнула

меня по влажной спине и убежала с телефоном...

Ну, - думаю, - Дела...

Потом, после знакомства с коллегами, взял я тяжёлую сумку и, преодолев себя, пожаловался, как женщины учили...

-Почти как в Сочи-

И селят меня в цокольном этаже соседней типографии, в прохладной сторожке, а может дворницкой. Через стенку – наша кочегарка, редакционная. Комнатка мне выпала метров десять. Стены - кирпич метровой толщины, побелены. Потолок обшит фанерой, на полу под узким половиком - неровная твердь. Обувь предпочёл не снимать, пока не раздобуду тапки. Раскладная тахта была изранена временем, но мягкая. Постельное я своё привёз. Пока, думаю, без подушки. Однако потом её и ватное одеяло мне одолжила Женечка. За сим девушка специально съездила на редакционной «Ниве». Тут же и чайник электрический и ложка алюминиевая нашлись в затхлой тумбочке. Кружка правда оказалась лопнувшая, да ещё и с налётом не то портвейна, не то чая. Сбегал в магазин, благо центр города в двух шагах, купил новую правда пластиковую. Сойдёт для начала. Накупил сдобных булочек, с маком и сахаром, правда свежих не оказалось. Съел. Имелся ещё старый письменный стол с распухшей полиролью. Тусклая лампочка на стене загадочно освещает.

щала каморку. Окрашенная дверь запиралась на амбарный замок. Ключ мне выдал сторож-кочегар Антон. Бурят по национальности. Парень молодой и круглолицый был улыбочив и немногословен. Спросил меня про рыбалку. Я ответил, что не увлекаюсь, с детства. На что он внёс ясность, что пришёл просто дать мне ключ, так как отопительный сезон наступит только через месяц. И уехал на скутере.

За мутным окошком к вечеру порозовело, крапива при-танцовывала на ветру.

Стало ещё прохладней. Я надел кофту и наладил первый чай. Вода показалась слегка солёной. Разложил на столе бумаги. Начал писать, тренируя мозг...: «...она оставила разогретый велосипед на травянистой поляне и направилась вниз. Шум прибоя приближался, волнуя влюблённое сердце...».

Пока не задремал, укутавшись в одеяло.

Среди ночи проснулся. Во мраке нащупал дверь и приоткрыл, услышав в коридоре кошачье мяуканье. Испугался. Свет включил. Хожу. Оказалось, на полу в проходе спала тощая белая кошка, на какой-то тряпке. Я поделился с ней остатками сдобы. Та не отказалась, попросила добавки. Так и сидели мы с ней при свете в три часа ночи, и я подумал: вот так бы и жил. Писатели, художники, наверное, так и должны жить. Как кочегары...

С утра почистил зубы в рукомойнике около входа. К холодной воде придётся привыкнуть. Причесался. И накормил

Белку. Так я дал кошке имя. Своё. Однако, надо будет спросить Антона как они её звали. Но для меня вопрос с кличкой однозначно решён.

Явился на планёрку. В коридоре уже толпились симпатичные коллеги, когда я приблизился, замолчали, поглядывая на меня недоверчиво. Пахло духами, неплохими, кажется. Поздоровался. Они тоже. Ворожбецкая мне и говорит:

- Вадим Алексеевич, не замёрзли в подвале то?
- Что Вы? Жарко, - отвечаю я, - Как в Сочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.